

*Р.Г.Бубнов**

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию одного из самых дискуссионных вопросов уголовного процесса современной России — проблеме определения понятия уголовного преследования, его содержания и субъектного состава. В результате анализа положений УПК РФ, ведущихся в науке дискуссий и теоретических концепций, выдвинутых различными авторами, делается вывод о том, что единственной функцией указанных участников процесса является уголовное преследование лиц, совершивших преступление. Однако возможность такого понимания складывается только на основании широкой трактовки понятия уголовного преследования, охватывающей как обвинительную, так и исследовательскую деятельность этих субъектов.

В современной науке уголовного процесса одной из наиболее заметных тенденций является достаточно широкое толкование термина «уголовное преследование» в части его содержания, момента начала осуществления данной деятельности и ее субъектного состава. Подобного рода трактовка расширяет рамки этой деятельности, позволяя считать, что уголовное преследование начинается не с появления в деле подозреваемого или обвиняемого, а раньше — с момента возбуждения уголовного дела и даже до этого момента — с появления повода к возбуждению уголовного дела.

Обширные дискуссии, ведущиеся в науке по данной теме, не позволяют в рамках одной публикации разрешить все имеющиеся проблемы, так как каждая из них заслуживает отдельного глубокого исследования. Поэтому хотелось бы обратить внимание только на один из спорных вопросов — определение круга субъектов уголовного преследования, причем сосредоточиться на двух из них — прокуроре и следователе, являющихся главными фигурантами данной процессуальной деятельности.

Согласно легальному определению, «уголовное преследование» понимается как деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Как следует из п. 47 ст. 5 УПК РФ, а также положений главы 6 УПК РФ, к стороне обвинения закон относит следующих субъектов: прокурора, следователя, начальника следственного отдела, дознавателя, частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя.

Классификация участников уголовного процесса с позиции принципа состязательности предполагает выполнение каждым одной из трех уголовно-процессуальных функций, перечисленных в ст. 15 УПК РФ: функции обвинения, защиты от обвинения и разрешения уголовного дела. При этом все три функции отделены друг от

* © Бубнов Р.Г., 2006

Бубнов Роман Геннадьевич — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Таким образом, формально закон признает за вышеназванными участниками исключительно функцию обвинения. Однако научный подход к исследованию роли и места каждого из субъектов уголовного преследования не может ограничиваться только формальным отнесением их к стороне обвинения. Требуется обращение к содержанию деятельности каждого из них, целям и задачам, стоящим перед ними в уголовном процессе, то есть необходимо установление в некотором смысле гармонии между формальным закреплением за этими участниками статуса субъектов уголовного преследования и содержанием осуществляемой ими процессуальной функции.

Анализ положений УПК РФ и литературных источников по рассматриваемому вопросу позволяет констатировать, что, исходя из конкретного содержания деятельности каждого субъекта уголовного преследования, процессуальная функция абсолютно всех участников уголовного судопроизводства, перечисленных в главе 6 УПК РФ и наделенных по воле законодателя статусом субъектов уголовного преследования, не может быть определена однозначно.

Значительное количество работ посвящено деятельности, пожалуй, одной из самых ключевых фигур уголовного преследования – прокурору, который обладает самыми широкими полномочиями для реализации данной процессуальной функции.

Споры относительно процессуального положения прокурора в основном связаны именно с определением его процессуальной функции. Эта проблема имеет достаточно давнюю историю. Дискуссии по ней ведутся в научном мире начиная с 50-х годов прошлого столетия и продолжаются по сей день.

Прежний УПК РСФСР 1960 г. признавал за прокурором право и обязанность осуществления на всех стадиях уголовного процесса функции надзора за точным соблюдением закона всеми участниками уголовного судопроизводства (ст. 25 УПК РФ).

Считалось, что прокурор в суде не может и не должен быть исключительно обвинителем, так как это не характерно для советского уголовного процесса, где главной функцией прокуратуры как государственного органа является надзор за точным соблюдением закона. «Обвинение ради обвинения» [3. С. 204] – принцип, неприемлемый для советской доктрины, а присущий буржуазному обвинительному процессу.

Такое понимание процессуального положения прокурора было связано с определением прокурорского надзора как «высшего», распространяющегося на все сферы деятельности государства и граждан.

Произошло смешение двух основных и равнозначных функций прокуратуры как органа государственной власти – функции надзора за соблюдением законности и функции уголовного преследования. Это противоречие повлекло распространение в научных кругах различных теоретических конструкций, в той или иной степени обосновывающих надзорную функцию прокурора в судебном разбирательстве.

Заметим, что современные взгляды в науке немногим отличаются от прежних. Некоторые авторы продолжают настаивать на осуществлении прокурором функции надзора за законностью [1, С. 15] или правозащитной функции [2. С. 653–654]. И это несмотря на концептуальные изменения уголовно-процессуального законодательства, проводимые в рамках его реформы, в основу которых положен принцип состязательности.

Думается, что постановка перед прокурором двух противоположных задач: уголовного преследования и одновременно заботы о защите прав преследуемого и дру-

гих участников процесса — приводит его к ситуации конфликта интересов и делает невозможным достижение в процессе ни одной из поставленных задач в полном объеме.

Проводя исследования различных элементов состязательности, С.Д. Шестакова кроме этого замечает, что «осуществление прокурором одновременно двух процессуальных функций свидетельствует об инквизиционности процесса» [7. С. 97].

Признание за прокурором по-прежнему выполнения надзорной функции связано не только с более чем пятидесятилетней историей существования такой концепции. Причиной этому служит еще и непоследовательность самого законодателя, который, в противоречии с общим положением УПК РФ (принципом состязательности), допускает двоякое толкование роли прокурора в уголовном процессе, определяя в ч. 1 ст. 37 УПК РФ функции прокурора и как уголовное преследование, и как надзор за процессуальной деятельностью органов расследования.

Решение имеющейся проблемы возможно, по нашему мнению, на основе следующего концептуального положения.

Прокурор в уголовном процессе является представителем «обвинительной власти», которую он реализует от имени и в интересах государства [5. С. 30-31]. Содержание данной «обвинительной власти» не сводится только к поддержанию государственного обвинения в суде, а включает в себя и прокурорский надзор за предварительным расследованием, и процессуальное руководство им. Таким образом, уголовное преследование, начатое еще на следствии, имеет свое логическое продолжение в суде в виде государственного обвинения, осуществляемого прокурорами.

Широкое толкование понятия уголовного преследования, имеющееся в современной науке, о чем было сказано выше, позволяет нам признать за прокурором выполнение единственной функции — уголовного преследования, которая включает обязанность прокурора как представителя обвинительной власти в уголовном процессе обеспечить эффективность такой деятельности на досудебных стадиях, реализуя полномочия, изложенные в ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Таким образом, прокурорский надзор за предварительным расследованием приобретает в данном случае несколько иной смысл, нежели его усматривали ранее в период действия УПК РСФСР. В совокупности с процессуальным руководством деятельностью следователя он связан с направлением расследования к оптимальному, то есть законному, результату — обеспечению защиты интересов государства в уголовном процессе путем обнаружения действительно виновного при ограждении от ответственности невиновного.

Отсутствует среди авторов, исследовавших проблемы уголовного преследования, единое мнение относительно процессуального положения другого не менее значимого по УПК РФ представителя стороны обвинения — следователя. Следует подчеркнуть, что вопрос о признании за следователем функции уголовного преследования является наиболее спорным в науке.

Во многом это связано с противоречивостью отдельных положений УПК РФ. Одним из таких противоречий является определение в ст. 38 УПК РФ полномочий следователя как «осуществление предварительного следствия по уголовному делу», что в отличие от положений п. 47 ст. 5 и ст. 21 УПК РФ, прямо причисляющих следователя к органам уголовного преследования, не содержит указания на то, что следователь является субъектом уголовного преследования, что создает неясность в определении его роли, которая всегда характеризовалась как всестороннее, полное и объективное выяснение всех обстоятельств совершенного преступления.

По-видимому, в ст. 38 УПК РФ содержится компромиссное решение спора, который ведут ученые: одни из них по-прежнему утверждают, что деятельность следователя носит исследовательский характер, то есть осуществляется всесторонне, полно и объективно, другие же настаивают на том, что следователь в состязательном процессе только обвинитель. Подобного рода компромиссные решения законодателя часто только порождают новые споры вместо того, чтобы их разрешить.

Отрицать обвинительный характер деятельности следователя, по нашему мнению, невозможно. Уголовное преследование является непосредственной задачей и движущей силой всего уголовного процесса, как это отмечают многие исследователи. Именно следователь является наиболее активным участником уголовного преследования, осуществляемого на досудебной стадии процесса: он возбуждает дело, собирает необходимые доказательства, привлекает лицо в качестве обвиняемого и, наконец, составляет обвинительное заключение.

Однако большинство авторов справедливо обращают внимание на то, что следователь в силу возложенных на него по УПК РФ обязанностей не может быть односторонним обвинителем. Так, следователь, будучи субъектом доказывания, несет обязанность устанавливать все обстоятельства дела, входящие в предмет доказывания, определенный в ст. 73 УПК РФ. Но предмет доказывания включает не только обстоятельства обвинительного характера (пп. ст. 73 УПК РФ), но и реабилитирующие обвиняемого обстоятельства (пп. ст. 73 УПК РФ). Поэтому следователь вынужден выяснять все обстоятельства дела, а не только уличающие обвиняемого в совершении преступления. Следователь не может, к примеру, отказать в проведении следственных действий по ходатайству стороны защиты под предлогом несоответствия его функции в процессе, так как в его обязанности входит установление всех фактов, имеющих значение для дела, что следует из положений ст. 159 УПК РФ. Обязанность следователя выяснять полную картину совершенного преступления, а значит объективную истину по делу, вытекает также из других положений УПК РФ (прекращение уголовного дела и уголовного преследования – ст. 24, 27 УПК РФ).

Не готовы принять на себя роль «одностороннего обвинителя» и сами следователи, о чем свидетельствуют проводимые среди сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов опросы [4. С. 5].

В связи с вышесказанным еще большую противоречивость процессуального положения следователя и наличие в его деятельности обвинительного уклона вызывает отсутствие среди принципов процесса требования всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, который был закреплен ранее в ст. 20 УПК РСФСР, что, однако, не исключает обвинительных действий следователя, о которых мы говорили ранее, а также требований всесторонности и объективности расследования, хотя и косвенно изложенных, но не исторгнутых полностью из правового регулирования (ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 УПК РФ).

Проявлению обвинительного уклона способствуют и предписания ст. 220 УПК РФ, согласно которым в обвинительном заключении нет места анализу доказательств: следователь должен ограничиться лишь перечнем доказательств, подтверждающих обвинение, и перечнем доказательств, на которые ссылается защита.

На это обращает внимание профессор С.А. Шейфер: «...чтобы не допустить необоснованного обвинения, следователь должен руководствоваться простейшим постулатом логики: чтобы обосновать некое положение, надо опровергнуть противоположное. Отсюда следует вывод: следователь должен тщательно исследовать и опровергнуть с помощью доказательств доводы защиты (этого требовала т. 205 УПК

РСФСР), ибо в противном случае виновность обвиняемого не может считаться доказанной и должны наступать последствия, предусмотренные ст. 49 Конституции» [6. С. 24].

Из сказанного следует, что понятие уголовного преследования не означает отделения данной функции от «исследовательской» функции следователя в уголовном процессе, то есть следует констатировать неотделимость «обвинения» от «исследования». Более того, по делам, которые возбуждаются «по факту» совершения преступления, деятельность следователя, состоящая в основном из установления обстоятельств дела, также должна считаться уголовным преследованием, которое некоторые авторы не без основания называют «неперсонифицированным» уголовным преследованием, осуществляемым в отношении потенциального подозреваемого.

Подобная трактовка понятия уголовного преследования требует соотношения его с понятием «предварительное следствие», которое в соответствии со ст. 38 УПК РФ осуществляет следователь.

В концепции «широкого» подхода к определению понятия уголовного преследования начальным моментом его считается, как уже отмечалось, не вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или даже возбуждение уголовного дела, как это предлагают сторонники «узкого подхода», а более ранний момент — обнаружение признаков преступления. Это соответствует ст. 21 УПК РФ, носящей название «Обязанность осуществления уголовного преследования», в которой закреплено, что прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. То есть уголовное преследование может осуществляться еще до факта возбуждения уголовного дела.

Соответственно предварительное следствие, будучи связанным с понятием уголовного преследования, является только одной из форм его осуществления, наряду с другими, такими как, например, «доследственная проверка», проводимая в порядке ст. 144 УПК РФ, и поддержание государственного обвинения в суде прокурором или назначенным им должностным лицом.

Таким образом, следователь выполняет исключительно функцию уголовного преследования посредством проведения предварительного следствия, а также деятельности по выявлению признаков преступления.

Сказанное выше в отношении прокурора в полной мере распространяется и на следователя — он также должен действовать только в рамках закона. Потому подлежит обязательному соблюдению им требования всесторонности, полноты и объективности расследования, которое по логике является одновременно и принципом осуществления уголовного преследования.

Библиографический список

1. Ефимичев, С.П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права — 2005. — № 7. — С. 13 — 18.
2. Настольная книга прокурора / коллектив авторов. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. — 850 с.
3. Строгович, М. С. Избранные труды / М.С. Строгович / Т. 2. — М., 1992. — 732 с.
4. Шейфер, С.А. Процессуальные и организационные проблемы совершенствования деятельности следственного аппарата (по материалам опроса сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов) / С.А. Шейфер, А.В. Бобров // Юридический аналитический журнал. — 2006. — № 1 (15). — С. 5 — 14.

5. Шейфер, С. А. Взаимоотношение судебной и обвинительной властей / С.А. Шейфер // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 8. – С. 29 – 33.
6. Шейфер, С.А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ: проблемы соотношения / С.А. Шейфер // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому УПК РФ: материалы Межрегиональной научно-практической конференции 18-19 декабря 2002 г., Самара / под ред. С.А. Шейфера. Самара: «Изд-во Самарский университет», 2003. – С. 31 – 42.
7. Шестакова, С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. СПб., 2001. – 354 с.

R.G.Bubnov

PROCEDURAL STATUS OF PROSECUTOR AND INVESTIGATOR AS SUBJECTS OF CRIMINAL INVESTIGATION

The article is devoted to the study of one of the most disputable problems in the modern Russian criminal procedure – the problem of the term “criminal investigation” definition, its contents and subjective composition. In the course of analysis of Criminal Code of Russia statements, current scientific discussions and theoretical concepts proposed by various authors, it is concluded that the only target of the criminal procedure participants is investigation against the persons who committed the crime. While such understanding of the term “criminal investigation” can be possible only based on a broad treatment of the term, comprising prosecuting as well as researching activities of these subjects.